

ТАТЬЯНА МЭЙ

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

*основано
на реальных событиях*

Татьяна Мэй

Точка невозврата

<https://litres.ru/74672232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Основано на реальных событиях. Она — архитектор-реставратор, которая любит тишину, порядок и старые дома. Он — звукорежиссёр, который не мыслит жизни без громкой музыки, хаоса и творческого беспорядка. Ева уверена: Максим — стихийное бедствие. Максим считает: Ева — запертая дверь, за которой прячется что-то живое.

Они — соседи. И их война начинается с одного громкого баса за стеной.

Содержание

Глава 2. Невыносимая громкость тишины	12
Глава 3. Прорыв трубы (и не только)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татьяна Мэй

Точка невозврата

Глава 1. Акустика разрушения

Ева Андреева всегда считала, что тишина — это не отсутствие звука, а его правильная организация. Скрип половиц в нужном месте, далекий гул трамвая за окном, шелест кальки на столе — все это складывалось в аккуратную симфонию, в которой каждому шороху было отведено строго определенное время. Хаос она не выносила. Хаос — это когда звуки врываются без предупреждения, когда они громче, чем нужно, когда они живут своей жизнью и знать не хотят о твоих планах.

Квартира на четвертом этаже старого доходного дома на Пятницкой казалась идеальной. Высокие потолки, лепнина, которую она собиралась бережно расчистить, окна с видом на тихий двор, где даже машины сигналили как-то виновато и вполголоса. Дом был включен в ее новый проект — реставрация фасада и внутренних интерьеров. Ева могла жить прямо на объекте, что экономило время и нервы. По крайней мере, так ей казалось в тот момент, когда она подписывала договор аренды.

— Здесь очень тихо, — сказала она агенту, женщине с усталыми глазами и привычкой смотреть чуть мимо собеседника. — Это важно. У меня работа, требующая сосредото-

ченности.

— Тише не бывает, — заверила агент. — Сосед справа — пожилой мужчина, почти не выходит. Слева — вообще никого, там подсобка. А над вами — молодой человек, но он... — она запнулась, подбирая слово, — творческий. Не из шумных.

Тогда Ева не придавала значения этой паузе. Сейчас, стоя посреди гостиной в облаке пыли и картонных коробок, она вспоминала ее с нарастающим раздражением.

День переезда выдался длинным. Грузчики, несмотря на предварительную договоренность, приехали на два часа позже, один из них поцарапал подлокотник ее любимого кресла, а лифт, разумеется, не работал. Ева таскала коробки по лестнице, чувствуя, как в пояснице зарождается тупая боль, и мысленно составляла список претензий к мирозданию. К вечеру она была вымотана до предела, но довольна: основная часть вещей уже стояла на своих местах, рабочий стол ждал у окна, а на кухне, среди упаковочной бумаги, нашлось место для кофеварки.

Она как раз распаковывала коробку с виниловыми пластинками — маленькая слабость, которую она позволяла себе вместо украшений и дорогих сумок, — когда это началось.

Сначала она подумала, что где-то внизу проехал грузовик. Стены старого дома умели вибрировать, отзываясь на внешний мир, и Ева была к этому готова. Но звук не стихал. Он

нарастал. Низкий, тяжелый бас пробивался сквозь стену, ведущую в соседнюю квартиру, и, казалось, ввинчивался прямо в позвоночник. За басом подтянулась какая-то электронная пульсация, затем — обрывок мелодии, и все это вместе сложилось в громкую, ритмичную, бесконечно далекую от тишины композицию.

Ева замерла с пластинкой в руках. Она посмотрела на стену так, будто та внезапно предала ее лично. Потом на часы. Девять вечера. По закону — можно. По-человечески — нельзя.

Она подождала пять минут. Потом десять. Бас не думал заканчиваться. Наоборот, к нему добавился какой-то металлический лязг, будто сосед решил одновременно слушать музыку и переставлять мебель. Ева аккуратно поставила пластинку на место, расправила плечи и вышла в коридор.

Дверь соседа была обита темным дерматином, и из-под нее пробивалась тонкая полоска света. Ева нажала на звонок. Внутри квартиры отозвалась трель, но ее почти заглушил очередной басовый удар. Она позвонила еще раз. Потом еще. Наконец за дверью слышались шаги, и она распахнулась.

На пороге стоял мужчина. Высокий, в растянутой футболке с логотипом какой-то группы, которую Ева не знала, и в наушниках на шее. Волосы у него были взъерошены так, будто он только что взлохматил их руками, а на щеке отпечаталась тонкая красная полоска — след от подушки или от про-

вода. В одной руке он держал кружку, из которой поднимался пар. Он смотрел на Еву с вежливым, но явно поверхностным интересом.

— Да? — сказал он.

Музыка за его спиной продолжала греметь. Ева чувствовала, как вибрация передается полу под ее ногами.

— Здравствуйте, — начала она, стараясь говорить спокойно. — Я ваша новая соседка. Ева. Из квартиры сорок два.

— Максим, — представился он и сделал глоток из кружки. — С прибытием.

— Спасибо. — Она выдержала паузу. — У вас очень громко играет музыка.

Максим обернулся в сторону комнаты, будто только сейчас заметил этот факт.

— А, да. Это не музыка. Это рабочий материал. Я звуко-режиссер. Свою сцены для одного фильма. Нужно проверить, как звучит на разных частотах. — Он говорил это таким тоном, будто объяснял очевидную вещь ребенку.

— Понимаю, — сказала Ева, хотя ничего не понимала. — Но сейчас девять вечера. Я весь день переезжала. Мне нужно отдохнуть. И поработать. В тишине.

Максим прислонился к дверному косяку. В его глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство.

— В тишине? — переспросил он. — В этом доме?

— В этом доме я арендовала квартиру именно потому, что мне обещали тишину.

— Вам много чего обещали, — философски заметил он.
— Например, что лифт работает.

Ева почувствовала, как в ней поднимается раздражение. Оно было знакомым, почти уютным — как старая куртка, которую ты давно собиралась выбросить, но все никак не решалась.

— Послушайте, — сказала она, стараясь не повышать голос. — Я не против, чтобы вы работали. Но можно как-то... потише? Или в наушниках? Я уверена, у вас есть наушники. У вас же они на шее.

Максим опустил взгляд на наушники, потом снова посмотрел на нее. Уголок его губ дернулся.

— В наушниках я не слышу, как звук ведет себя в пространстве, — объяснил он. — Это как архитектору рисовать на салфетке. Вроде можно, но результат...

— Я архитектор, — перебила Ева. — И я никогда не рисую на салфетках. Я рисую на кальке. В тишине. Потому что иначе получается мусор.

Повисла пауза. Музыка за спиной Максима сменила ритм, стала еще более агрессивной. Он чуть наклонил голову.

— Знаете, — сказал он, — вы сейчас стоите в коридоре, который последние тридцать лет слышал больше звуков, чем я за всю жизнь. Здесь скрипят балки, вздыхают трубы, а по ночам мыши устраивают концерты в стенах. Ваша тишина — это иллюзия. Я просто добавляю к ней саундтрек.

— Мне не нужен саундтрек, — отрезала Ева. — Мне ну-

жен отдых. И, если можно, немного уважения к чужим границам.

Максим отлепился от косяка. В его лице что-то изменилось — не злость, скорее легкая досада, как у человека, которого отвлекли от важного дела.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю тише. Но не выключать. У меня сроки.

— Спасибо, — сказала Ева, хотя благодарности она не чувствовала.

Он закрыл дверь. Музыка стала тише — не исчезла, но отступила, превратилась в глухое бормотание за стеной. Ева постояла еще секунду, глядя на дверь, потом развернулась и пошла к себе.

В квартире было душно. Она открыла окно, и в комнату вполз вечерний воздух — прохладный, с запахом мокрого асфальта и чьих-то сигарет. Ева подошла к коробке с пластинками. Ей хотелось поставить что-нибудь спокойное, чтобы перебить остатки соседского баса, но она передумала. Слишком устала. Слишком злилась.

Она взяла коробку с винилом и хотела переставить ее на верхнюю полку стеллажа — туда, где пластинки будут в безопасности, подальше от пыли и случайных толчков. Полка была высокой, Ева привстала на цыпочки. В этот момент за стеной снова ударил бас — резко, неожиданно, — и она вздрогнула.

Коробка качнулась. Ева попыталась ее удержать, но паль-

цы соскользнули.

Коробка полетела вниз. Она упала на пол с глухим стуком, крышка отскочила, и пластинки разлетелись по паркету, как карты из перетасованной колоды. Ева застыла, глядя на них. В наступившей тишине — на секунду музыка за стеной действительно стихла — было слышно только ее собственное дыхание.

Она медленно опустилась на корточки. Несколько пластинок выскочили из конвертов. Одна из них — любимая, старый джазовый альбом, который она купила в Лондоне, на блошином рынке, в тот день, когда решила, что больше никогда не будет зависеть от чужих настроений, — лежала прямо перед ней. От центра к краю тянулась тонкая, почти ювелирная трещина.

Ева взяла пластинку в руки. Пластик был холодным. Трещина поблескивала в свете уличного фонаря, как рубец.

За стеной снова заиграла музыка. Тише, чем раньше, но Ева все равно слышала ее — всем телом, каждой клеткой.

Она подняла глаза к потолку, потом посмотрела на стену, за которой жил Максим. Вот он, значит. «Творческий. Не из шумных». Ага. Конечно.

Ева положила треснувшую пластинку обратно в конверт. Аккуратно, как раненое существо. Потом собрала остальные, сложила в коробку, поставила ее на пол — теперь уже без всякой полки. И осталась сидеть на полу, прислонившись спиной к стеллажу.

За окном темно. За стеной играла чужая музыка. В ее квартире, еще не обжитой, пахло картоном и старой пылью.

Ева смотрела на трещину в пластинке и думала о том, что война, оказывается, начинается не с громких слов. Она начинается с тихого треска. С одной испорченной вещи. С чужого баса за стеной, который кто-то считает рабочим материалом, а ты — нарушением всех границ.

Она поднялась, подошла к двери и повернула замок. Щелчок показался ей удивительно громким.

— Ладно, — сказала Ева вслух, обращаясь то ли к стене, то ли к самой себе. — Посмотрим, кто здесь кого переупрямит.

За стеной музыка сделала еще один тихий вдох.
Война началась.

Глава 2. Невыносимая громкость тишины

Максим Волков просыпался медленно, как человек, который всю ночь таскал рояль по лестнице. Голова гудела, во рту было сухо, а на плече отпечатался след от наушников — красная полоса, похожая на ожог. Он лежал на диване в студии, среди проводов, пустых кружек и блокнотов с каракулями, и смотрел в потолок, пытаясь вспомнить, чем закончился вчерашний вечер.

Память услужливо подкинула ему образ: женщина в коридоре. Темные волосы, плотно сжатые губы, глаза, в которых раздражение боролось с усталостью. Она представилась — Ева. Соседка. И она была очень, очень недовольна.

Максим усмехнулся, сел на диване и потер лицо руками. Ну да. Он сделал музыку тише. Насколько это было возможно. Потом, правда, снова сделал громче — ближе к полуночи, когда нашел идеальный басовый переход для сцены обрушения. Профессиональная необходимость. Она бы поняла, если бы хоть раз слышала, как звучит мир, когда его правильно записываешь.

Он встал, наступил на провод, выругался, запутался в нем и чуть не упал. Кружка с остатками вчерашнего кофе покачнулась на краю стола и, к счастью, устояла. Максим взял ее,

сделал глоток, поморщился — холодный, с привкусом картона — и поплелся на кухню.

Кухня в его квартире была маленькой и существовала в основном для того, чтобы хранить кофе, печенье и микроволновку. На столе громоздились коробки из-под пиццы, пустые банки из-под энергетиков и несколько пачек сигарет, которые он покупал «на случай стресса» и забывал, что бросил. На стене висела пробковая доска с расписанием проекта: «Озвучка: сцена 12–15. Срок — пятница». Пятница была послезавтра.

Максим включил кофеварку и уставился на доску. Фильм был катастрофический — в прямом смысле. Продюсеры хотели, чтобы звук был «как в жизни, только страшнее». Максим уже записал грохот поездов, вой сирен, треск горящих балок — все это было в его библиотеке шумов, накопленной за восемь лет работы. Но одного ему не хватало. Того самого, что делает сцену настоящей.

Дома.

Не просто дома, а старого дома. Здания, которое дышит, скрипит, вздыхает. Фанера и гипсокартон не в счет — они мертвые. А этот дом на Пятницкой был живым. Максим слышал его каждую ночь: скрип половиц над головой, глухой стук труб в стенах, шелест мышей, шорох осыпающейся штукатурки. Он записал уже часть этих звуков, но качество было не то. Слишком много помех: его собственные шаги, гул холодильника, случайный шум с улицы.

А у нее — у Евы — было тихо.

Он остановился с кружкой в руке. Мысль, которая только что мелькнула, была настолько очевидной, что Максим даже рассердился на себя за то, что не подумал об этом раньше. У него — хаос, провода, оборудование, гудящая техника. У нее — пустая квартира, которую она только вчера начала обживать. Голые стены. Старая планировка. Идеальная акустика.

Ему нужно было всего несколько часов. Записать шаги, скрипы, вздохи стен. Может, пару минут тишины, чтобы использовать как фон. Это же не преступление. Это профессия.

То, что соседка вчера смотрела на него, как на стихийное бедствие, Максим предпочел проигнорировать. Дипломатия — тоже навык, который можно прокачать, если очень нужно.

Он нашел чистую футболку — относительно чистую, пахнущую стиральным порошком и немного — пылью, — переоделся, причесался пальцами и вышел в коридор. На часах было одиннадцать утра. Вполне приличное время для официального визита.

Стучать в дверь Евы он начал с вежливого, почти нежного стука. Два коротких удара. Потом еще два. Потом, когда никто не открыл, добавил третий — уже более настойчиво. За дверью послышались шаги, и через несколько секунд она появилась на пороге.

Сегодня Ева выглядела иначе. Собранные вчера в небрежный пучок волосы теперь были аккуратно заплетены в косу.

На ней была простая белая рубашка, застегнутая почти до самого верха, и темные брюки. В руке она держала карандаш — тонкий, остро заточенный, как оружие. Глаза у нее были усталые, но настороженные.

— Доброе утро, — сказал Максим, изобразив на лице нечто, что должно было сойти за дружелюбие.

— Оно было добрым, — ответила Ева, — пока вы не начали стучать.

Максим решил пропустить это мимо ушей.

— Я хотел извиниться за вчерашнее, — начал он. — И заодно предложить одну вещь. Деловую.

Она приподняла бровь. Карандаш в ее руке чуть повернулся, будто она собиралась им что-то записать. Или кого-то.

— Деловую?

— Мне нужно записать несколько звуков в вашей квартире, — сказал Максим, стараясь говорить быстро и уверенно, как на презентации. — Скрипы, шаги, эхо. У вас тут старые стены, высокие потолки. Идеальная акустика. Я заплачу. Хорошо заплачу. И это займет не больше двух часов. Может, трех.

Ева смотрела на него молча. Взгляд у нее был как у человека, который решает сложное уравнение в уме.

— Вы хотите, — медленно проговорила она, — чтобы я пустила вас в свою квартиру. Чтобы вы записали здесь... звуки.

— Именно.

— После того, как вы вчера полночи гоняли басы через стену?

— Я сделал тише, — напомнил Максим. — Не идеально, но я старался.

— Я вчера собирала пластинки с пола, — сказала Ева. — Одна из них треснула. Любимая. Из Лондона.

Максим на секунду почувствовал укол совести. Только на секунду. Потом вспомнил, что пластинка — это просто пластинка, а его сроки — это его сроки.

— Я возмещу, — сказал он. — Ущерб.

— Дело не в ущербе, — отрезала Ева. — Дело в том, что вы не понимаете слова «нет». И слова «тишина». И слова «границы».

Она скрестила руки на груди. Карандаш теперь смотрел острием в потолок.

— Мне нужно работать, — сказала она. — У меня свой проект. Срочный. И знаете что? Я тоже не могу работать, когда за стеной кто-то записывает свои «рабочие материалы». Так что давайте так: вы не стучите ко мне с предложениями, а я не жалуюсь на вас в управляющую компанию. Пока.

Максим открыл рот, чтобы сказать что-то еще — что-то про профессионализм, про важность проекта, про то, что она могла бы войти в положение, — но Ева уже закрывала дверь. Не хлопнула. Просто закрыла. Медленно и очень твердо. Замок щелкнул с той же решительностью, что и вчера.

Он постоял в коридоре еще несколько секунд, глядя на

дерматин. Потом вздохнул, повернулся и пошел к себе.

В квартире было тихо. Так тихо, что Максим слышал, как капает вода из неплотно закрытого крана на кухне. Он прошел в студию, сел на диван, взял блокнот и принялся рисовать схемы. Если не она, то кто? Он перебрал в уме всех знакомых: друзья — шумные, у всех ремонт или дети; коллеги — в офисах, где гудит вентиляция; родители — за городом, там ветер и птицы, не то. Оставался только этот дом. И его идеальная тишина. Запертая за дверью с дерматинком.

Максим отбросил блокнот, встал и подошел к двери. Ему нужно было проветрить голову. Он повернул замок, потянул ручку — и чуть не споткнулся о что-то на полу.

Под дверью лежал маленький бумажный пакет. Внутри была упаковка берушей — ярко-оранжевых, мягких, с надписью «Максимальная защита». К пакету была приклеена записка, написанная ровным, почти каллиграфическим почерком:

«Пользуйся. Это лучше, чем слушать твои "шедевры"».

Максим взял записку, повертел в руках. Потом посмотрел на беруши. Потом снова на записку. Уголок его рта дернулся — сначала едва заметно, потом шире. Он фыркнул. Потом засмеялся — коротко, неожиданно для самого себя.

Вот это да. Соседка с характером. Не просто закрыла дверь перед носом, но еще и позаботилась о его слухе. С сарказмом, но позаботилась.

Максим вернулся в квартиру, прошел на кухню, открыл

холодильник — там было пусто, если не считать полупустой банки сметаны и трех яиц, — и прикрепил записку к дверце. Магнитом, на котором было написано «Не забудь купить молоко». Записка смотрелась на фоне белого холодильника как вызов. Или как приглашение. Он еще не решил.

Потом он взял беруши, повертел их в пальцах и положил в карман куртки. Пусть будут. Может, пригодятся. А может, он просто хотел, чтобы они были при нем — как напоминание о том, что в этом доме есть кто-то, кто не боится с ним воевать.

За стеной было тихо. Ева, судя по всему, действительно работала. Максим слышал только редкий скрип ее стула и шелест бумаги. Он включил свой ноутбук, открыл проект и устался на таймлайн. Сцена 12. Поезд, сходящий с рельсов. Ему нужен был звук, который сделает ее живой.

Он просидел так минут двадцать, потом откинулся на спинку дивана и посмотрел на стену.

— Ладно, — сказал он вслух. — Раунд твой. Но игра еще не закончена.

За стеной скрипнул стул. Максим улыбнулся — сам не зная чему — и вернулся к работе.

Глава 3. Прорыв трубы (и не только)

Ева проснулась от звука, которого не должно было быть. В её квартире, где каждый шорох был учтён и занесён в мысленный каталог, этот звук был чужаком. Влажным, чавкающим, настойчивым. Она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь определить источник. Звук доносился из коридора.

Она вышла из спальни и остановилась.

Вода. На полу в коридоре стояла вода. Не лужица, не капли — настоящая водная гладь, отражавшая потолок и медленно, но верно подбиравшаяся к порогу комнаты, где лежали её чертежи. Ева смотрела на это зрелище секунды три, показавшиеся ей вечностью. Потом её мозг наконец включился, и она бросилась в ванную.

Труба под раковиной — старая, чугунная, с ржавыми разводами — лопнула по шву. Вода хлестала из неё с уверенностью человека, который точно знает, что делает. Ева попыталась перекрыть вентиль, но он не поддавался — прикипел, зараза, за столько лет. Она дёргала его, тянула, крутила, чувствуя, как вода заливает рукава рубашки, как намокают волосы, как паника подступает к горлу.

— Да что ж такое! — вырвалось у неё.

Она выскочила в коридор, оставляя мокрые следы, и заметалась. Телефон — где телефон? На кухне. Она бросилась туда, но поскользнулась на мокром полу и ухватилась за стену, чтобы не упасть. В этот момент — она потом будет вспоминать это с иронией — в дверь позвонили.

Ева замерла. Вода продолжала прибывать. Звонок повторился — настойчивее.

— Открывайте! — послышался голос. — Это я, Максим! У вас там что-то течёт!

Она рванула к двери, повернула замок и распахнула её. На пороге стоял сосед — в тапочках на босу ногу, в той же растянутой футболке, но с ящиком инструментов в руке. Его глаза расширились, когда он увидел воду, льющуюся через порог.

— Труба? — спросил он коротко.

— Труба, — подтвердила Ева, чувствуя, как голос предательски дрожит.

— Где?

— В ванной. Вентиль не работает.

Максим не стал тратить время на разговоры. Он шагнул через порог, поставил ящик на ближайшую сухую поверхность — ею оказалась стопка её книг, которую Ева вчера так аккуратно сложила у стены, — и направился в ванную. Ева последовала за ним, уже не пытаясь спасти рубашку.

В ванной Максим оценил масштаб бедствия одним взглядом. Потом опустился на колени, открыл ящик, достал раз-

водной ключ и взялся за вентиль. Он крутил его с усилием, стиснув зубы, и Ева видела, как напряглись мышцы на его руках. Прошло секунды четыре, показавшиеся ей минутами, прежде чем вентиль поддался с противным скрежетом. Вода остановилась.

Тишина.

Они оба замерли, глядя друг на друга. С волос Евы капало. Футболка Максима намочила на груди и животе. Вода вокруг них стояла ровным слоем — сантиметра два, не меньше, — и медленно впитывалась в деревянный пол.

— Спасибо, — выдохнула Ева.

— Не за что, — отозвался он. — Но это только начало. Нужно убрать воду, пока она не ушла вниз. У вас есть тряпки? Вёдра?

Ева кивнула, чувствуя, как к горлу подступает истерический смешок. Тряпки. Вёдра. У неё были чертежи, которые нужно спасать.

Они работали молча, как будто репетировали это заранее. Максим нашёл в кладовке старое ведро и швабру с тряпкой, Ева схватила полотенца и простыни. Вода в коридоре уже добралась до комнаты, где стоял её рабочий стол. Ева вбежала туда первой, подхватила папку с чертежами и подняла её над головой, как факел. Максим, оказавшийся рядом, подхватил рулон кальки, который лежал на полу, и прижал к груди.

— Куда? — спросил он.

— На стол. Высоко.

Они свалили всё на стол, потом на стул, потом на подоконник. Вода тем временем продолжала расползаться. Максим вернулся в коридор и начал собирать её шваброй, выжимая тряпку в ведро. Ева последовала его примеру с полотенцем в руках, опустившись на колени и промокая пол, как в детстве, когда проливала что-то на кухне.

Прошло около часа. Вода была собрана — не вся, но основная часть. Ведро несколько раз выливали в унитаз. Пол был мокрым, но уже не плавал. В воздухе стоял запах сырости и ржавчины. Ева сидела на полу в коридоре, прислонившись спиной к стене, и смотрела на свои руки. Они дрожали.

Максим закончил с последней тряпкой, бросил её в ведро и опустился рядом. Не слишком близко, но и не далеко. Он тоже дышал тяжело.

— Ну, — сказал он, — поздравляю с первым коммунальным кризисом.

Ева повернула голову. В его волосах запутался кусочек какой-то ветоши, на щеке темнела полоса грязи. Он смотрел на неё без насмешки — скорее с усталым пониманием.

— Я думала, вы придёте с претензиями, — сказала она. — Насчёт шума. Или ещё чего-нибудь.

— Я слышал воду, — пожал он плечами. — Звук был странный. Не как дождь, не как кран. Потом слышал, как вы ругаетесь. Решил проверить.

— Я не ругалась.

— Ругались. Я слышал через стену. — Он ухмыльнулся.

— У вас, оказывается, богатый словарный запас.

Ева хотела обидеться, но вместо этого фыркнула. Смех вышел неожиданным, почти чужим. Она прикрыла рот рукой, но было поздно.

— Ладно, — сказала она. — Признаю. Я ругалась. Но у меня были причины.

— Ещё бы, — согласился Максим. — У вас тут потоп. Я бы тоже ругался.

Они замолчали. В квартире было тихо, если не считать капель, доносившихся из ванной. Ева посмотрела на свои чертежи, спасённые и сваленные на столе. Потом на Максима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.